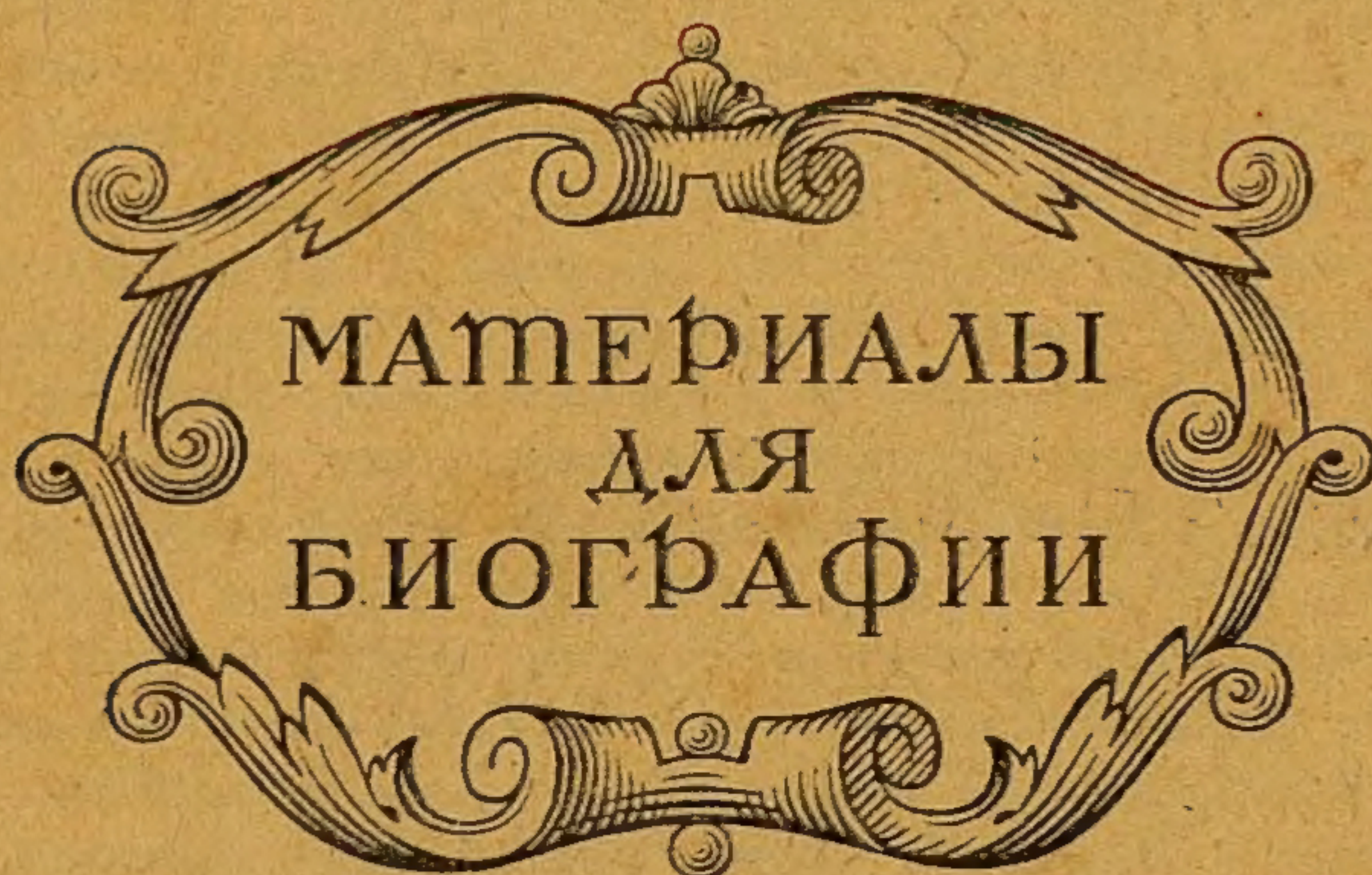


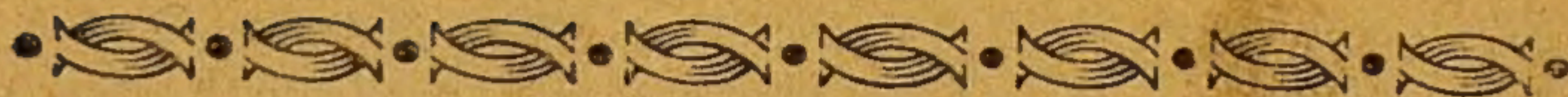
9(6) 63.3/2511
Б74

АКАД. М.М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I



Под редакцией
проф. В. И. ЛЕБЕДЕВА



ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1940

РЕДКАЯ КНИГА

"ЭЛЕКТРОПУЛЬТ"
Библиотека эвхона

3262

70 992

План составлен
инженером Борге-
дорфом в 1696 г., с
указанием распо-
ложения русских
лагерей и осадных
работ как этого
года, так и пред-
шествующего.
План взят из ра-
боты акад. Байера
«Begebenheiten von
Asov», переведен-
ной на русский
язык в 1782 г. Тау-
бертом под загла-
вием: «Краткое
описание всех слу-
чав, касающихся
до Азова.»



Рис. 55. План второй осады Азова

похода, — большого полку боярин и воевода Алексей Семенович, устроясь под Азовом обозом, воинским ополчением, в окопах от Сергиева города от каланчей со всеми воинскими припасы пришел в обоз (лагерь) большого полку своего». Общее расположение войск, осаждавших Азов с суши в 1696 г., получило такой вид: крайний левый фланг, примыкая к низинам берега Дона ниже Азова, заняли донские казаки Лукьяна Савинова; правее, рядом с ними, стали солдатские полки Ригемана; далее расположилась главная квартира Шенна и здесь же, вероятно, корпус московских чинов; еще далее вправо занял место со своим корпусом Головин и, наконец, на крайнем правом фланге, примыкая к берегу реки Скопинки, расположился Гордон. Сооруженный в прошлом году форт князя Я. Ф. Долгорукого на противоположной стороне Дона против Азова был занят и возобновлен четырьмя солдатскими полками под командой полковника Левистона (14—16 июня). Гораздо позже других частей войск (18 июня) пришли к Азову пять украинских полков: гадяцкий, лубенский, прилуцкий и два охотных — конный и пеший, под общей командой наказного гетмана черниговского полковника Якова Лизогуба. Украинские казаки заняли место позади расположения Ригемана. Последний отряд из участвовавших во второй осаде Азова — яицкие и саратовские казаки в числе 500 человек — явился гораздо позже — 30 июня. Он оказался очень полезным в действиях против неприятельской конницы — «много нашим ратным людям помощи подали»¹.

8 июня в главной квартире по случаю начала осады было отслужено молебствие. Началось устройство апрошей к Азову, причем для этой цели приспособлялись старые, прошлогодние, траншеи.

«Вечером, — записывает Гордон под 9 июня, — мы все отправились к старым траншеям и улучшали их». Работы над траншеями велись в этом году гораздо более энергично и с большим успехом, чем в прошлом; по крайней мере они в гораздо большей мере удовлетворяли Гордона, который неоднократно в дневнике отмечает свое удовольствие по поводу их успешного хода². Между траншеями проводились соединительные линии; сооружались редуты и батареи, на которых устанавливались пушки. Исполнялся, таким образом, приказ главнокомандующего, который «велел генералам Петру Ивановичу Гордону, Автоному Михайловичу Головину, генералу-майору Карлусу Ригимону полков их с ратными людьми чинить над турецким городом Азовом ко взятию того Азова всякой промысл днем и ночью, и для того промыслу к Азову вести шанцы и в шанцах делать раскаты, а на раскатах ставить большие пушки: галайки и мозжеры (мортиры) и полковые пищади»³.

Между тем лагерь осаждающих стала тревожить, как и в про-

шлом году, татарская конница, расположившаяся вне города за речкою Кагальником, впадающею в Азовское море южнее Азова. Первый налет этой конницы под предводительством Нурадина-султана произошел 10 июня; он получил должный отпор от русской конницы, причем едва не был взят в плен сам Нурадин, вырученный только своим дядькой, уступившим ему лошадь¹. Дело это описано самим Петром, находившимся 10 июня в лагере, в тождественных письмах к Ромодановскому, Кревету и Виннису от 11 июня. «А о здешнем возвещаю, — пишет Петр, — что, слава богу, все идет добрым порядком, и обозом (лагерем) город обняв кругом и после в шанцы в одну ночь вступили так близко, что из мелкого ружья стрелятца стали; а за рекою (т. е. в форте князя Я. Ф. Долгорукого) еще нет. Черкасы (украинские казаки) пришли в Черкасской и ждем их вскоре. Вчерашнего дня Народын-салтан с тысячею татарами по утру ударил на обоз наш, где наша конница такой ему отпор дали, что принужден был бегством спасение себе приобрести и до Коголника гнан со всеми татарами, и конечно был бы взят, только дятко его, пересадя на свою лошадь, упустил; а сам, против гонителей его став и бився, в руки нашим за спасение его отдался, того для, дабы тем временем, как он бился и как его брали, он ушел; однако от Дигилея калмыченина помянутой Народын меж крылец ранен. На котором бою несколько их убито да 4 взято, а наших — 8 ранено». В числе этих 8 раненых было 6 стольников: Ильин, Сазонов, Сухотин, Кафтырев, князь Ф. Львов, Давыдов и один стряпчий — Данилов. Очевидно, что сражаться с татарской конницей выходил отряд московского дворянства².

Может быть, это поражение заставило неприятельскую конницу на некоторое время приостановить свои налеты и дало возможность осаждающим спокойно и успешно продолжать начатые сооружения. Об успехе этих работ к 13 июня свидетельствует чье-то письмо из-под Азова от этого числа, помещенное Желябужским в его записках: «И по сие число (13 июня), — пишет в этом письме неизвестный автор, — кругом Азова, что от каланчей от Дона с горы и по другую сторону к Дону, шанцами дошли. А фуркаты (вероятно, галеры Трубецкого) и достальный третий караван (шаут-бейнахта де Лозьера) пришел и стоит у каланчей, и чаем, что на взморье пойдут (де Лозьер) тотчас для того, что вода прибылая с моря есть. А за Доном в городке, что в прошлом году сидел князь Яков Федорович Долгорукий, войска нашего нет³ для того, что через Дон моста еще не сделано. И в тот городок присылают из Азова на ночь, сказывают, что будто человек по сту.

А мост через Дон делают на стругах, а ширина поперек моста 4 сажени трехаршинных»¹. Но, несколько оправившись от полученного удара, татарская конница с 17 июня² возобновила нападения, и с той поры до самой сдачи Азова редкий день проходил без того, чтобы она не показывалась на равнине между речкой Кагальником и русским лагерем, где и разыгрывались обыкновенно стычки ее с дворянской конницей, казаками, а иногда и с выходившей ей навстречу пехотой.

Пленные, захваченные 10 июня в первом сражении с татарской конницей, показали, что в Азове ожидается турецкий флот из 50 судов, везущий подкрепление под командой пашы. Сообщая известия об этих показаниях в Москву в упомянутых выше письмах от 11 июня, Петр выражал уверенность, что прибытие этого флота не грозит опасностью: в море стоит уже русский флот из 22 галер, вскоре ожидается шаут-бейнахт с остальными военными судами. На устьях Дона построены два форта, один из которых сооружен Гордоном и которые запирают доступ с моря к городу по донским рукавам: «Взятые языки сказывают, что помочи себе болшии тысяч еще не чают; а морем сказывают, будто будет паша с 50-ю судами; толко то они слышали, а сами не видали. А наш караван на устье Дону в 22 галелях обретаецца и шоунтбейнахта з достальными галерами ожидаем вскоре; а на устье Дону учинили 2 крепости и к приходу оного пашы есмы при помощи безопасны»³. Вести, доставленные пленными, оказались не без основания. Действительно, 14 июня из русского лагеря было замечено приближение флота. «Утром, — рассказывает Гордон, — я был в траншеях и сделал все необходимые распоряжения. Затем мы заметили несколько турецких галер, которые шли к рейду и вскоре в достаточном отдалении бросили якорь. Мы поехали на холм на реке Кагальник, чтобы рассмотреть их лучше, и увидели 16 больших кораблей и значительное число меньших, которое мы точнее определить не могли. Этот флот был приведен турначи-пашой⁴ и имел на борту 4 000 человек пехоты, которые должны были быть переправлены в город. Мы решили послать четыре пехотных полка в виде гарнизона в форт на той стороне Дона. Команда над этим отрядом была поручена полковнику Левистону. Было, далее, решено, что мы, если турки станут высаживать свой резерв, выступим и пойдем против них с 10 000 пехоты и со всей нашей конницей». Петр, находившийся в лагере, узнав о появлении флота, с большой поспешностью, как свидетельствует тот же Гордон, отправился к галерам и вечером приказал имплыть в устье реки⁵. Турецкий флот оказался, однако, не так силен, как возвеждали пленные. О его составе, когда он точнее выяснился, Петр сообщал несколько позже в письмах к московским друзьям: «Сего

месяца 14 дня прислан к Азову на помощь анатолский турночи-баша с флотом, в котором обретаются 3 каторги, 6 кораблей, 14 фуркатов да несколько мелких судов, который намерен был в Азов пройтись; но, увидя нас, холопей ваших, принужден намерение свое отставить; и стоит вышеомянутый баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом делается. Народыш просил у него людей на берег, чтобы ему пропустить в Азов людей сухим путем; но он ему отказал, отговариваясь, что если де мне убавить людей, то де московский караван, пришед, караван мой разорит, и в ту пору что мне делать? ты не поможешь. С вышеписанным башею языки взятые (пленные) сказывают не равно: иные 4 000, а иные больше и меньше»¹. 28 июня турначи-паша попытался высадить десант на берег, направив войско к берегу в 24 лодках. Но стоило только галерам поднять якоря, как этому предприятию положен был конец, и турецкий флот должен был отступить². Последнюю попытку проложить себе путь к Азову турецкий флот сделал 13 июля, когда «во 2-м часу дня, — как пишет Гордон, — была сильная стрельба с неприятельского флота». Но эта попытка окончилась полной неудачей, и пришлось предоставить Азов собственной участи. Таким образом, присутствие русских военных судов в море совершенно парализовало действия турецкого флота³.

К 16 июня осадные работы значительно продвинулись вперед⁴. Азов был окончательно обложен с суши и с моря. Были готовы батареи и можно было начать бомбардировку города. Однако предварительно в этот день после полудня осажденным было предложено сдаться. Был сделан знак белым флагом и к городу послан парламентер с письмом на русском и турецком языках. Азовцы, однако, на предложение ответили выстрелами по флагу и по парламентеру. Тогда началась канонада: стали палить из пушек и бросать бомбы из мортир. При начале бомбардировки присутствовал, разумеется, и бывший в прошлом году «бомбардиром» Петр. «Его величество присутствовал, — сообщает нам Гордон, — и вечером отправился к своим галерам». 17 июня бомбардировка продолжалась, причиняя большое разрушение городу⁵. «Ратные люди, — читаем в описании похода боярина Шеина, — подошли шанцами близь азовских городовых стен и роскаты поделали и пушки и мозжеры на роскатах поставили и город Азов со всех сторон осадили накрепко, въезду в него и выезду из него нет. А ниже Азова на Дону реке, где неприятельские морские суда к Азову приходили, сделаны вновь два земляные городы, а третий против Азова за Доном прежний; укреплены и одержаны

те все города людьми и пушками многими. Также море и устья донские все заперты московскими морскими судами, а на них многочисленными людьми и пушками ж и неприятельские водяной и сухой путь отняты. И за божиею помощию учал промысл чиниться немедленной из шанец генеральских полков, также войска донского козаков и из городка, что за рекою Доном, со всех роскаты в город Азов из больших ломовых пушек стрельба и из мозжеров метанье бомб день и ночь непрестанное и из пушек у азовцев по земляному валу роскаты их разбили и пушечную стрельбу у них отбили»¹, — т. е. заставили их пушки замолчать. 22 июня войско, солдаты нижних чинов, как говорит Гордон, обратилось к командирам с просьбой прибегнуть к тому же средству осады, которое также по желанию войска было пущено в ход в прошлом году, а именно: начать насыпать вокруг города высокий вал и этот вал подводить — «валом валить» — к неприятельскому рву и таким образом, заровнять ров. Эта просьба была уважена, и с вечера 23 июня началось насыпание такого вала²: «Июня с 23 числа в ночи, — говорит описание похода, — к городу Азову для промыслу ко взятию того Азова и засыпания рва, который около того всего города, и для крепкого приступа и охранения в том приступе... учили от шанцев валить вал земляной»³. 23 июня отправлялась из-под Азова почта, и Петр с галеры «Принципиум» отправил в этот день ряд писем в Москву: к Ромодановскому, Криву, Винусу, А. К. Нарышкину и Г. И. Головкину⁴. Поместив в этих письмах почти дословно тождественное описание турецкого флота турначи-паши, Петр в каждом из них говорил еще о разных предметах, касавшихся каждого из корреспондентов в отдельности, и в этом обнаруживал одну из своих отличительных способностей: при усиленном напряжении внимания к одному главному делу, каким в рассматриваемом случае была осада Азова, помнить с большою точностью и заботиться о разных мелочах. Так, письмо к Ромодановскому он начинает выражением опасения, что Ромодановский гневается на него, доказательство чего видно в том, что вот уже две почты нет от него писем с известием о «его государском здоровье»; Криву Петр увещивает, что получил высланные ему песочные часы, причем те, которые посланы были через Валуйку, оказались испорченными, вероятно, от скорости езды; впредь посылать «кумпасы и иные часы» через Воронеж водой с нарочным человеком, чтобы бережнее доvez; Винусу пишет о получении его письма от 2 июня с заморскими вестями и с известием о холодной и дождливой погоде в Москве и с своей стороны сообщает, что под Азовом стоят «великие жары», но что, однако, «слава богу, лишних болезней нет». В собственноручной приписке к этому письму царь

даст Виннису приказание: «Анд[р]ею Крефьту вели дать 2 пары сабелей да 36 хвастоф». Л. К. Нарышкину он предписывал о посылке грамот к курфюрсту Бранденбургскому, к венецианскому дожу и к Речи Посполитой, а в письме к Г. И. Головкину заказывал себе какой-то «полметовый» кафтан и штаны¹.

Следующий день, 24 июня, ознаменовался для осаждающих неудачей в обычном ежедневном столкновении с татарской конницей. Наша конница поддалась на неприятельскую хитрость. Татары, высквав и завязав стычку, сделали вид, что обратились в бегство. Дворянская конница бросилась их преследовать в беспорядке, врасыпную, не соблюдая строя, «по прадедовским обычаем, не приняв себе оборонителя воинского строю», как укоризненно заметил, говоря об этом деле, Петр², и слишком увлеклась. Татары вдруг с страшным криком обернулись, опять напали на наших всадников и в свою очередь обратили их в беспорядочное бегство. При этом замешательстве было убито 9, ранено 21 и взято в плен 8 дворян московского чина, т. е. стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов³. 25 июня прибыли в лагерь присланные курфюрстом бранденбургским инженеры Розен и Гольцман и «огнестрельные мастера» — минеры Шустер, Кобер, Гак и Кизеветтер. Вероятно, по поводу их прибытия Петр в этот день побывал в лагере и траншеях. «Его величество, — записывает Гордон, — был в лагере и в траншеях, откуда он опять отправился к флоту». Эти личные посещения Петром угрожаемых обстрелом неприятеля траншей вызывали у близких Петра опасение за его жизнь. Сестра Петра царевна Наталья Алексеевна обратилась к нему с письмом, чтобы он берегся и не подходил близко к ядрам и пулям. На это не дошедшее до нас письмо Петр во второй половине июня отвечал шутливым посланием: «Сестрица, здравствуй! А я, слава богу, здоров. По письму твоему я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако, хотя и ходят, только по ся поры вежливо. Турки на помочь пришли, да к нам не йдут; а чаю, что жедают нас к себе. Piter»⁴. 26—28 июня по распоряжению Гордона строился форт по дороге к Лютику с целью помешать лютицкому гарнизону делать вылазки; этот форт состоял из редута по 14 сажен с каждой стороны. Вечером 28 июня, накануне дня своего ангела, Петр вновь явился в лагерь и присутствовал на вечернем богослужении, 29 июня был у обедни, а затем принимал от всех поздравления. «Позже он поехал, — пишет Гордон, — с генералиссимусом и всеми знатнейшими лицами (кроме нас, генералов) к галеасу, где было пиршество, за которым при пушечных салютах славно пили». В ночь на Петров день до русского лагеря добрался пленный, выбежавший из Азова. Он показывал, что среди азовского гарнизона разделение: одна половина стоит

за сдачу города, другая против; в городе недостаток припасов и в особенности военных запасов, много раненых и больных, большие потери убитыми. «Все это побудило генералиссимуса, — пишет Гордон, — послать парламентаря с обещанием хороших условий и с объявлением, что его величество принимает такую меру ради своих имений». Эти хорошие условия заключались в предложении сдать добровольно город с тем, что гарнизону и жителям будет предоставлено в таком случае право свободного выхода из Азова с имуществом. «Мы, христиане, — говорилось в письме на турецком языке, привязанном к пущенной в город стреле, — крови вашей не желаем. Город Азов нам сдайте с ружьем и со всеми припасы без крови, а вам всем и с пожитками даем свободу, куды похочете... А естли о каких делах похочете с нами пересылаться, и вы пересылайтесь и договаривайтесь безопасно, а нашему слову перемены не будет». Это обещание выпустить азовцев на свободу и было впоследствии сдержано при капитуляции Азова. Однако на этот раз, 29 июня, турки ответили только выстрелами¹.

1 июля вечером Петр прибыл в лагерь навестить Гордона, который заболел накануне и весь день 1 июля оставался в постели. Болезнь оказалась непродолжительной: на следующий день генерал был уже на ногах и принимал участие в осадных работах, двигавшихся успешно. Вал, который стали насыпать по просьбе нижних чинов, сравнялся уже высотой с турецким валом, даже превосходил его, так что можно было с него стрелять по турецким сооружениям сверху вниз. Подготавливались также мины под неприятельские укрепления². «А о здешнем возвещаю, — писал Петр от 3 июля Ромодановскому, — что вал вают блиско и 3 мина зачали. Приезжие брандесбурцы с нашими непрестанно труждаютца в брасании бомбов. Цесарцы еще не бывали. Татары мало не по вся дни с нашими быютца; толко, слава богу, кроме одного бою, где прогнавши нас, по прадедовским обычьем, не приняв себе оборонителя воинского строю, несколько потеряли, но, когда справились, пакн их прогнали, всегда прогнаны от наших бывають. Турючи-баша еще стоит на море, и канун Петрова дни был от них подъезд в 24-х судах, и как блиско подъехали, и наши якорн вынимать стали, чтоб на них ударить, и они, то видя, тотчас, парусы подняв, побежали. Iv dabelcix Knech Piter Kamondor. 3 галеры Принцыпиум, июля 3 дня»³. 4 июля царь прибыл с галеры в лагерь и ночевал там⁴, может быть, чтобы побывать за богослужением по случаю праздника «Сергия», патрона Азовского края. Этот день, 5 июля, омрачился несчастьем с од-

ним из наиболее выдающихся офицеров русской армии, полковником Левистона. Левистон с середины июня занимал очень важный стратегический пункт — форт князя Я. Ф. Долгорукого на противоположной стороне реки. Утром 5 июля Гордон послал другого полковника, Юнгера, сменить Левистона, и последний приехал после полудня в лагерь. Вечером, пойдя в траншею, он неосторожно выглянул через вал и был ранен мушкетным ядром, которое расшибло ему нижнюю челюсть и оторвало часть языка. Через девять дней он скончался. Тело его было отвезено в Черкасск и похоронено там при православной церкви¹.

XXXVIII. СДАЧА АЗОВА

9 июля приехали в Новосергиевск давно ожидаемые «цесарцы» — высланные цесарем специалисты артиллерийского и инженерного дела: артиллерийский полковник Граге, инженеры де Лаваль и барон Боргсдорф, минеры: Генрих Лоренц, Иоганн Гоф, Антоний Кох, Франциск Калзон, Томас Бегант, Николай Терьер, Иосиф Слирсер; канонеры: Лаврентий Шмит, Лаврентий Урбан, Иосиф Очтона². 11-го они прибыли в лагерь и обедали у главнокомандующего, а затем их повели осматривать траншеи и мины, причем они удивлялись величине сделанных русскими сооружений и труду, который был на них затрачен. На следующий день их пригласил к себе обедать Гордон и после обеда показывал им свои траншеи. Ознакомившись со сделанными сооружениями, они дали Гордону указания, помогающие ему справиться с задачей, для решения которой собственных познаний старого генерала было недостаточно. Его артиллерии со сделанных им батарей никак не удавалось разбить угловой бастион азовских укреплений. Австрийцы указали, как для этой цели надо расположить новые батареи. С согласия Петра и главнокомандующего их советы были приняты и оказались очень полезными. «Утром я был в траншеях, — записывает Гордон под 15 июля, — и велел палить с новых батарей. Это произвело чрезвычайно хорошее действие, так как палисады при угловом бастионе были разрушены». «Пушки моей батареи, — пишет он 16 июля, — разрушили большую часть палисадов углового болверка»³. Стало ясно, что осада пошла бы успешнее, если бы русским войскам с самого ее начала пришлось вести ее под умелым руководством столь сведущих лиц, и Петр жалел об их слишком позднем приезде: они выехали в Россию только весной, 15 мая были в Смоленске, 30 мая в Москве. В объяснение своего позднего прибытия они заявили Петру, что в Вене совсем не знали, что русские возобновят кампанию так рано, что вообще русский посланник в Вене Кузьма Нефимонов совсем не был осведомлен о военных действиях под Азовом. Это оказалось верным. Думный дьяк Емельян Украинцев, заправлявший

всеми делами Посольского приказа, не только не считал нужным, но даже находил опасным осведомлять посланника, аккредитованного, хотя бы и при союзном дворе, о военных планах и операциях. Петр дал волю своему гневу против Украинцева за эту оплошность в собственноручном письме от 15 июля к Виниусу, доводившемуся Украинцеву свояком. Царь раздосадован тем, что Украинцев держит посланника без всяких вестей о нашей войне, о чем его в Вене ни спросят, ничего не знает, а послан по такому важному делу. Сам Украинцев пишет в лагерь к Н. М. Зотову письма с советами, как нам поступать в польских делах, которые до нас не касаются, а Австрию, надежду союза, совсем забыл. Свое отношение к посланнику Украинцев объясняет так: не сообщает ему о военных делах, чтобы тот лишнего чего не разгласил. В здравом ли он уме? Посланнику доверены государственные тайны, а то, что всем известно, от него скрывается! «Зело дасодилъ мнѣ, — пишет Петр, — своякъ твой, что Кузму держать безъ вѣдомости о войнѣ нашей; і не стытъ ли: объ чемъ ни спросятъ его, ничево не знаетъ, а с такимъ великимъ дѣламъ посланъ! Въ цыдулъкахъ Миките Моисеевичю о полскихъ дѣлахъ пишет, которыя не нужны, что надабеть дѣлать, а цесарскую сторону, гдѣ надежда союза, позабылъ. А пишетъ так: для того о войскахъ не даемъ вѣдать, чтобъ Кузма лишнеево не рассѣял. Расъсудилъ! Есть ли санс его въ здоровъѣ? О государственномъ повѣрено, а что всѣ вѣдоють, закрърито! Толка скажи ему, что чево онъ не допишетъ на бумаге, то я допишу ему на спине. Рітер. 3 галеры Принцыпиум, июля 15 дня». Виниус исполнил данное ему поручение, и, можно себе представить, как должна была подействовать на Украинцева перспектива, намеченная в последних строках гневного царского письма. «А свояку своему ваше государево слово сказал, — отвечает Виниус; — он бедной трепещет, говорит: что без указу де я к Кузме сверх ево наказу ни о чем писать не смел. Не вииди, государь милостивый, в суд с рабом твоим»¹.

15 июля, кроме приведенного гневного письма к Виниусу, был отправлен Петром целый ряд писем: Ромодановскому, Стрешневу, Кревету, Л. К. Нарышкину и князю Б. А. Голицыну. Петр говорил в них в самом спокойном тоне о разных текущих сюжетах.

В письме к Ромодановскому, уведомлявшему царя о праздновании дня его ангела, 29 июня, в Преображенском, причем после литургии палили из пушек и мелкого ружья, солдат в строю было 300 человек, начальные люди приглашены были к столу на Генеральном дворе, а сержантов и солдат велено было поить и кормить довольно, выражается благодарность: «Что в день святых апостол Петра и Павла изволил стрелять из пушек и из ружья, также пожаловал начальных людей и солдат, за которую вашу государскую неоплатную милость многократно благодарствую». Ему же дается приказ решить какое-то дело между

Кондратьем Нарышкиным и Хилковым. Т. Н. Стрешневу, спрашивавшему, в каких казацких городках заготовить для обратного путешествия государя пиво, Петр отвечает: «И пива вели изготовить от Паншина до Черкаского, местах в двух или в трех. А от Паншина, чаю, поедем сухим путем, о чем впредь писать буду»¹.

Вероятно, с тою же почтой или, во всяком случае, около того времени Петр писал к учителю царевича Алексея Никифору Вяземскому, интересуясь все же сыном; жену он уже совершенно тогда игнорирует. Об этом не дошедшем до нас письме мы узнаем из ответа Вяземского, крайне риторического и витиеватого с выражением многопокорной рабской благодарности за то, что он, Никишко Вяземской, «ничто сый» или «некто званием от последних», удостоился такой царской милости — письма, которое «от монаршеского величества прислался». Деловая же суть этого ответа заключалась в двух довольно нескладных строках о том, что царевич «в немноее же времяни совершенное литер и слогов по обычаю азъбуки, учит часослов»².

Московских друзей Петр извещал также в упомянутых письмах от 15 июля о положении осадных работ под Азовом: сооружаемым с русской стороны валом уже во многих местах засыпан неприятельский ров. «Великороссийские и малороссийские войска, — читаем мы в описании похода боярина Шеина, — во облежании бывшие около города Азова, земляной вал к неприятельскому рву отсюда равномерно привалили и, из-за того вала ров заметав и заровняв, тем же валом чрез тот ров до неприятельского азовского вала дошли и валы сообщили толь близко, еже возможно было с неприятели, кроме оружия, едиными руками терзаться; уж и земля на их вал метанием в город сыпалась»³. Разрушение палисадов углового болверка артиллерией, руководимой указаниями присланных австрийских офицеров, облегчило захват этого болверка. Этот захват был сделан украинскими казаками 17 июля по собственной их инициативе. «В тот день взяли турецкие болварки и был бой», — отмечено за это число в бомбардирском «Юрнале». «Июля ж в 17 день в пяток, — передано то же событие в описании похода Шеина, — великороссийские и малороссийские войска, в тех трудах прибывающие, пришед тем валом к азовскому валу, неприятельской роскат подкопали и на тот роскат взошли и с неприятели с азовскими жители и осадными сидельцы был бой большой и на том бою многих неприятельских людей побили и тот роскат и на том роскате четыре пушки взяли»⁴. Находящийся под Азовом переводчик Вульф в письме в Москву от 20 июля так описывает этот эпизод:

«В 17 числе июля, как черкаские казаки земляным своим валом к одной турецкой башноке (т. е. башне) подошли, и тогда они толь жестоко на нее нападение учинили и несмотря на то, хотя турки их больше шести часов непрестанною стрельбою и каменным метанием отбить хотели и трудились; однако ж крепко и неподвижно остоялись; последующие же почти еще мужественнейше того 4 пушки у турок с башни они сволокли. Против того ж наши московские ратные люди вал свой над неприятели выше неприятельского вала подняли и градную их оборону землею заваливать начали, а неприятели им, кроме каменного метания камнями, никакого вреда приключить не могли»¹. Казаки взяли болверк по собственному почину, потому что увидали, что им можно овладеть без всякого приказа свыше. Нападения на город в этот день не предполагалось и оно еще подготовлено не было. Однако главнокомандующий счел нужным поддержать казаков по крайней мере демонстрацией общего штурма. «Черкасы завладели частью углового бастиона, — пишет Гордон. — После полудня они попытались выволочь три небольших пушки, которые они привязали веревками; при этом возникла шумная стычка между ними и турками, так что мы принуждены были, чтобы воспрепятствовать туркам обрушиться на них со всею силою, сделать вид, как будто мы хотим предпринять штурм или общую вылазку... Ночью мы отрядили гренадеров поддержать черкас. Они вывезли три маленькие пушки из бастиона; лафеты их были сожжены турками. В то же время донские казаки увезли другую небольшую пушку с другой стороны вала»².

² Федосов, Мельник, с. 11, упоминают XIX, стр. 493—494.[illegible]



Рис. 56. Взятие Азова, в 1696 г.

Гравюра Шхонебека 1699 г. На первом плане изображена конная группа участников взятия Азова: посередине с саблей в руке — Петр, перед ним стоит, указывая на плащ Азова, который держит стоящий на коленях человек, Тиммерман. Направо от Петра — А. С. Шенн. За Петром (справа налево): П. А. Толстой, М. Б. Шереметев, Мефорт (спиной к зрителям), А. М. Головин, Ф. А. Головин, Гордон младший (в шляпе с большими полями) и П. Гордон (в профиль). За этой группой видна река Дон, разделяющаяся на несколько рукавов. На ней русский флот. За рекой видна одна из каменных крепостей. Далее крепость Азов, а на противоположном берегу — лагерь полков: Шенна, Гордона, Ригемана, Мефорта, казаков, черкас, калмыков, апроши 1695 и 1696 гг.

с опущавшимся в Азове недостатком свинца для пуль и побудила, вероятно, азовцев быстро капитулировать. Утром 18 июля в русской главной квартире было принято решение произвести во вторник, 22 июля, общий штурм крепости ввиду успешного хода осадных работ. Незадолго до полудня показалась в полях из-за Кагальника очень многочисленная неприятельская конница, чтобы произвести свое обычное нападение на русский лагерь. Произошла стычка с казаками, дворянской конницей и пехотой. Перевес, по свидетельству Гордона, остался за неприятелем. Как вдруг в полдень турки из Азова стали, махая шапками и преклоняя знамена, делать знаки, что желают вступить в переговоры о сдаче города, и прислали парламентаром знатного турка Мустафу с письмом. Ссылаясь на обещание Шеина от 29 июня, турки предлагали сдать город с условием, чтобы им была предоставлена свобода выйти с женами, детьми и имуществом, какое можно было захватить, и просили, в случае принятия этого условия, повозок или лодок, чтобы отвезти их за реку Кагальник в лагерь, где стояла их конница. Шеин остался верен своему обещанию, согласился выпустить гарнизон с легким оружием и жителей, но предъявил одно непеременимое требование: выдать «немчина Якушку», т. е. голландца Якова Янсена, бывшего на русской службе в прошлом походе, перебежавшего тогда к туркам и давшего им существенные указания на положение дел в русском лагере. Его считали виновником неудач прошлого года. Турки некоторое время отказывались принять это условие, так как перебежчик уже «обусурманился», перешел в магометанскую веру и записан был в янычары; но, наконец, уступили и выдали Якушку. Турки обязались также вернуть всех пленных и укрывавшихся в Азове «охреян», раскольников, за исключением тех, которые приняли мусульманство. В этих переговорах прошел день 18 июля¹.

19 июля в 5 часов утра начался выход турок из города к лодкам, подведенным к берегу ниже города. Сдавшиеся проходили между двумя шеренгами восьми русских выстроженных полков; шли в беспорядке, как кто успел. Некоторые, сообщает Гордон, сели в суда в самом городе, чего не имели права делать; «но мы, — прибавляет он, — рады были их выпустить и на мелкие нарушения смотрели сквозь пальцы»². Едва только турки стали покидать город, как в нем показались уже украинские казаки, начавшие грабеж. Заметив это и увидев, что грабежу нельзя воспрепятствовать, Гордон отрядил караул из 100 солдат для охраны турецкого бея и других начальников с 16 знаменами и приказал

проводить их к боярину Шенну, который был на коне вблизи от лодок. Передав знамена с преклонением их под ноги боярского коня¹, турецкие офицеры сели в лодки и поплыли вниз по реке. «Наши галеры, — пишет далее Гордон, — были выстроены в порядке на якорях, и лодки были пропущены мимо них по узкому проходу при залпах из крупного и мелкого оружия. В этом было несколько тщеславия для нас и слишком много чести для тех». Лодки довели турок до реки Кагальника, где встретила их конница. На следующий день они переправились на стоявший под Азовом флот турначи-наши, который и отошел с ними в пределы Турции. Часть конницы, стоявшей за рекой Кагальником, разбежалась. Десять полков получили приказ занять город. «Когда мы вступили во владение городом, — пишет Гордон, — солдаты были заняты тем, что отыскивали и отрывали предметы, спрятанные турками; они нашли значительное количество посуды и одежды, однако все незначительной цены». Позже изменник Якушка показал, что значительный клад в деньгах и платье скрыт в своде, или в пещере, под землею. Были посланы люди его откопать. Пещера была найдена, но в ней ничего не оказалось².

Город представлял картину полного разрушения. «Я отправился, — заканчивает свой рассказ Гордон, — посмотреть христианскую церковь и две мечети, которые оказались разрушенными бомбами. Вообще весь город представлял груды мусора. Целыми не осталось в нем ни одного дома, ни одной хижины. Турки помещались в хижинах или пещерах, которые находились под валом или около него». «Впрочем же, — пишет упомянутый выше переводчик Вульф, — сей город — ныне пустое место, и так бомбами разорили, что такой зрак имеет, будто за несколько сот лет запустошен ссть. В разных местах нашел яз в нем изрядную пшеницу, сухари, хорошую муку, паюсную икру и соленую рыбу. И тако у них в запасе скудости не было; но в свинце у них больше всего недостаток был³. На верху, между земляного вала и каменной стены, нашел я изрядный, камешнем выложенный, студеный кладезь с преизрядною водою».

20 июля в понедельник было торжественное празднование счастливого события. «Мы были на радостном пиру у генералиссимуса, где не щадили ни напитков, ни пороху», — записал в этот день Гордон. «Галеры наши уставлены строем под город Азов, — читаем в письме переводчика Вульфа, — и учинена с них купно с войсками, также и в обозе, во всех шанцах и кре-

постях, на стругах везде трижды заздравная радостная стрельба. Немчин переметчик Якушко сидит в одной каланче, в железах скован»¹. В Москву полетели краткие радостные письма. «Min Her Koninh, — пишет Петр Ромодановскому. — Известно вам, государю, буди, что благословил господь бог оружия ваша государское, понеже вчерашнего дня молитвою и счастьем вашим, государским, азовцы, видя конечную тесноту, здались; а каким поведением и что чево взято, буду писать в будущей почте. Изменника Якушку отдали жива, Piter. 3 галеры Принцыпнум, июля 20 дня». «Min Her heilige Vader, — пишет он Стрешневу. — Ныне со святым Павлом радуйтесь всегда о господе, и паки реку: радуйтесь! Ныне же радость наша исполнися, понеже господь бог двалетние труды и крови наши милостию своею наградил: вчерашнего дни азовцы, видя конечную свою беду, здались, и изменника Якушку отдали жива в руки наши. А каким поведением и что чего взято, буду писать в будущей почте»². Постоянное упоминание в этих кратких известиях о выдаче изменника Якушки производит впечатление, что эта выдача произвела не меньшую радость, чем сдача самого Азова: столь велика была злоба на него за прошлогодние неудачи. В тот же день было отправлено официальное письмо к патриарху с описанием событий с 17 по 20 июля. Боярин Шени, писавший официальные отписки о ходе военных действий на имя великого государя в Разрядный приказ, сообщил туда же о победе, а из дипломатической канцелярии Н. М. Зотова донесение было послано в Посольский приказ³.

Вести эти были получены в Москве 31 июля. В доме Л. К. Нарышкина письмо Петра застало в сборе большое общество, в том числе и Виинуса, как сообщал царю последний в своем ответе. Виинус сам отнес грамоту, адресованную к патриарху: «и той, — по его словам, — приняв и облобызав... прослезился и абие повеле в большой колокол благовестить». В Успенском соборе патриархом со властью было отслужено молебствие. С амвона были прочитаны полученные известия о победе. «А во время того молебного пения в соборной церкви были бояре и окольничие, и думные, и московских чинов, и приказные, и земские, и всяких чинов люди множество. Да во время ж и до совершения того пения на Ивановской колоколне был звон во вся колокола». Выйдя на Красное крыльцо, начальник Стрелецкого приказа сказал выстроенным перед крыльцом стрелецким полкам, что государь службу их милостиво похвалил и жалует их, а также жен тех стрельцов, которые находятся под Азовом, погребом, т. е. угощением водкой⁴.

В ответах московские корреспонденты поздравляли государя в радостных и приподнятых выражениях. Князь Ромодановский «похвалял» адмирала, генералов, начальных людей, и в том числе «каптейна», и превозносил Петра «верою ко богу яко (апостола) Петра, мудростию яко Соломона, силою яко Самсона, славою яко Давида». Виннус сочинил целый акафист: «Радуйся, о непобедимый наш великий царю, превосшел еси Александра древнего... Радуйся великий наш монарх, иже никакими трудами не преборим был еси... Радуйся, праведный наш великий воин» и т. д. Но сквозь эту довольно нескладную, не отделанную школой реторику можно заметить, что в ответах друзья сумели понять и хорошо оценить действительную заслугу Петра в азовском деле: сознание необходимости флота для успеха осады и необыкновенную энергию, настойчивость и быстроту, с которыми этот флот, решивший участь Азова, был создан. «Все признают, — пишет Виннус, — яко ваш, великого государя, точно был промысл и одержанием с моря помощи город приклонился к ногам вашим». Ту же мысль высказывали Л. К. Нарышкин, говоря, что сокрушение морского каравана трудами самого Петра ускорено, и Г. И. Головкин в словах: «И особой твой труд о строении галер на Москве, и в трудном пути, и на Воронеже, и поспешение Доном на море кто может достойно прославить?» и т. д. Ромодановский отметил проникательность Петра. То, что другим дается долговременным занятием многими науками, то Петр постигает сразу. «Что лутчее в людех чрез многие науки изобретается и чрез продолжные дни снискательства их, то в тебе, господине, чрез малое исцание или токмо чрез видение все то является». Этими неуклюжими словами Ромодановский в сущности обозначал то качество, которое мы теперь обозначаем словом «гениальность». Порадовал Петра своим ответом Виннус, извещавший, что он о взятии Азова отписал за границу и между прочим к амстердамскому бургомистру Витзену с тем, чтобы тот довел об этом событии до сведения английского короля Вильгельма¹.

21 июля празднество по случаю победы повторилось. На этот раз пир был у адмирала. Радостное настроение увеличивалось в этот день еще сдачею форта Лютика, падение которого было естественным следствием падения Азова. Еще накануне вечером донские казаки подошли к форту на лодках, сообщили гарнизону о капитуляции Азова и побуждали его сдаться. Гарнизон отказывался верить, но согласился, взяв заложников от казаков, послать уполномоченного для проверки известия. Казаки провели уполномоченного в город, и, убедившись в истине сообщенного, гарнизон 21 июля сдался на таких же условиях, как и азовцы. Ему был разрешен свободный выход, но без оружия. Гарнизон состоял из 115 человек. 22 июля, пишет Гордон, «гарнизон Лютика прошел мимо нашего лагеря и получил 20 лошадей, чтобы